

Беседы

Март 2021

24-го апреля в Петербургской Судебной Палате будет разбираться в порядке апелляционной жалобы интересное с общественно-бытовой стороны дело доктора И.С.Крейнделя по обвинению его в клевете в печати небызывестным в Петербурге знахарем Бадмаевым, много лет занимающимся врачебной практикой без всяких к тому прав. Дело это уже рассматривалось 2 года назад в Петербургском окружном Суде и кончилось полным оправданием доктора Крейнделя. Господин Бадмаев остался недоволен решением суда и подал апелляционную жалобу, которая не была до сих пор рассмотрена лишь потому, что доктор Крейндель последние полтора года находился на театре военных действий на Дальнем Востоке. Позволим себе напомнить читателям сущность возбужденного против товарища обвинения, чтобы вместе с тем показать, как трудна еще у нас борьба с невежеством и знахарством, в особенности, если знахарством занимаются люди в чинах высшего ранга: господин Бадмаев состоит в чине действительного статского советника и, как известно, имеет, говоря языком бюрократии, очень крупные связи. И против такого-то туза поднял свой голос заурядный врач и заговорил о нем таким тоном, что не оставалось сомнения в том, что делай то, что делает действительный статский советник Бадмаев, обыкновенный смертный, ему не миновать бы не совсем приятных объяснений в участке! Разумеется, такой смельчак должен был быть привлечен к судебной ответственности, что господин Бадмаев и не замедлил сделать, увы, к стыду своему, как это увидит ниже читатель. Доктор Крейндель в целом ряде статей, помещенных в Новостях, доказывал, что знахарство Бадмаева, выдаваемое им за тайны Тибетской медицины, есть ни что иное, как самое невежественное народное врачевание. Сверх того, он привел в своих статьях ряд известных ему случаев, из коих выяснилось, что знахарская деятельность Бадмаева причиняет больным и вред, обрекая на излишние муки и страдания. Как на яркий пример вредной деятельности Бадмаева, И.С.Крейндель указал на

случай с покойным профессором консерватории фан Арком, жившим на загородной даче Бадмаева и лечившимся все лето у него от болей в животе. Бадмаев уверял своего больного, что его болезнь пустяковая, что в кишках у него образовались пробочки, что он просто объедается. Время шло, а болезнь все ухудшалась. Видя это, семья больного не на шутку стала тревожиться за его судьбу. Решено было пригласить врача из города. Врач нашел раковое новообразование и в такой запущенной форме, что в самом глухом медвежьем углу России вряд ли можно встретить болезнь столь запущенной (слова врача на суде). Это распознавание было потом подтверждено и другими врачами, видевшими больного в городе после его переезда с бадмаевской дачи. Нужно думать, что распознавание ракового новообразования у фан Арка было для Бадмаева большой неожиданностью, и с этого времени он стал, по заявлению доктора Крейнделя, интриговать с целью избавиться от неприятного жильца. Кончилось дело тем, что больной профессор фан Арк был увезен на свою городскую квартиру, где через неделю и скончался в страшных мучениях. Оперативная помощь, разумеется, была уже непоказанной. В оглашении этого факта Бадмаев усмотрел клевету и предъявил к автору сообщения, доктору Крейнделю, обвинение по соответствующей статье закона. Но центр тяжести апелляционной жалобы Бадмаева лежит не в этом одном пункте. Дело в том, что доктор Крейндель в одной из своих обличительных статей коснулся того обстоятельства, как поступает Бадмаев в тех случаях, когда пользующийся им больной умирает и приходится выдать родственникам его свидетельство о смерти, без чего, как известно, полиция не разрешает похорон? Ведь Бадмаев не имеет права врачебной практики; следовательно, он не имеет и права выдавать свидетельства о смерти. Не предполагая, что Бадмаев способен выдавать такие свидетельства, не имея на то ни малейшего права, доктор Крейндель утверждал, что таковых Бадмаев в действительности и не выдает, а вместо него выдает их состоящий при нем дипломированный врач. В этом Бадмаев усмотрел гнусную на себя клевету и вызвал в суд свидетеля, который и показал, что Бадмаев лечил его отца и когда последний умер, выдал сам свидетельство о его смерти и полиция разрешила похороны. Таким образом, при разборе дела Бадмаева, нехотя попал в следующее комичное положение: на суде был прочитан отзыв медицинского департамента на запрос суда, имеет ли Бадмаев право

врачебной практики и выдачи свидетельств о смерти, при чем отзыв категорически отрицал за Бадмаевым эти права, так как он не имеет звания врача; тем не менее Бадмаев продолжал настаивать, что доктора Крейндель его оклеветал, сообщив печатно, что свидетельства о смерти выдает не он, Бадмаев, а другое лицо врач. То гнусная клевета, - восклицал он на суде, - будто я прибегаю к содействию дипломированного врача при выдаче свидетельств смерти своих больных! Я сам выдаю такие свидетельства и полиция никогда не препятствовала хоронить моих больных в случае их смерти, как о том заявил здесь свидетель. Бадмаев говорил на эту тему с таким обломом, что председатель суда, очевидно, усомнился в верности отзыва медицинского департамента и спросил Бадмаева, где же он кончил курс медицинских наук и какими врачебными правами пользуется? Бадмаев не смущаясь предъявил суду какую-то бумагу, в которой лишь сказано, что ему разрешено будет врачевать по способу тибетской медицины в том случае, если он кончит полный курс медицинских наук. Но Вы, господин Бадмаев, кончили где-нибудь в России медицинский факультет?, - спросил его председатель, прочитав бумагу. Нет!, - уныло ответил Бадмаев. Казалось бы, Бадмаеву можно было после этого успокоиться и благодарить судьбу, что прокурорская власть не преследует его за явно незаконные действия, а между тем задетое самолюбие знахаря в чине действительного статского советника вопияло и вопиет отмщения. Следует отметить в этом деле еще одну подробность, представляющую, нам кажется, некоторый общественный интерес. При разборе жалобы Бадмаева в окружном суде в январе 1904 года доктору Крейнделю удалось, как сказано, документально доказать, что Бадмаев не имеет никаких прав на врачебную практику, что он самовольно присвоил себе профессию врача.. Единственный документ, который предъявил суду Бадмаев, чтобы опровергнуть утверждение медицинского департамента о его самозванстве, говорит лишь о том, что Бадмаеву можно будет врачевать по способу тибетской медицины в том случае, если он окончит полный курс медицинских наук в одном из университетов России. Когда факт самозванства Бадмаева выяснился в окончательной форме, столичный врачебный инспектор предложил полиции отобрать от Бадмаева подписку о прекращении им врачебной практики и предvarить его о законной ответственности за нарушение подписки. Однако подписки этой полиция не

отобрала от него до сих пор. Чем объяснить такую исключительную деликатность полиции к Бадмаеву? Ведь если бы дело касалось обыкновенного знахаря, она, наверное, не замедлила бы исполнить требование врачебного инспектора. Почему же к Бадмаеву она относится иначе? Влияют ли тут тайны тибетской медицины или превосходительный чин его, мы сказать не можем. Это может разъяснить лишь сама полиция, и мы очень хотели бы слышать это разъяснение.

Русский врач. 1906. № 15.

Дом Фурмье, монах-бенедиктинец аббатства в Солесмо, врач по образованию, составил книгу о канонизированных святых, которые были врачами; таких он насчитывает не менее 68, при чем большинство жили в первые века христианства.

Русский врач. 1906. № 17.